

КОГДА СОЛДАТЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ известен как автор военной прозы. «Сашка», «Селижаровский тракт», «Отпуск по ранению», «Встречи на Сретенке» — писатель сказал свое слово о минувшей войне, участником которой был. И казалось, что он, вошедший сравнительно недавно в нашу литературу, будет и дальше писать лишь о войне. Однако в новом романе «Красные ворота» — работа над ним завершена недавно — действие происходит уже в конце 1947 и в 1948 годах. Для современных читателей эти годы ассоциируются главным образом с энтузиазмом послевоенной реконструкции. Советская литература чаще рисовала нам жизнь радостную и бодрую, избегая сложных и трагических страниц этого периода истории. Произведений, в которых делалась попытка более объективно отобразить события первых лет мирной жизни, по существу, единицы. На память приходят «Тишина» Ю. Бондарева, «Трое в серых шинелях» В. Добровольского, недавно вышедшая повесть Р. Погодина «Боль». Но, в сущности, у каждого писателя военного и послевоенного поколения была не только «своя война» — было и «свое возвращение». С этой темы и начался диалог автора романа с нашим корреспондентом **Наталией ИЗЮМОВОЙ**.

Вячеслав Кондратьев.
Фото Бориса КАУФМАНА.

— Что побудило вас обратиться к тому времени! — спрашиваю В. Кондратьева.

— У меня всегда было тягостное ощущение невозможности выполнить до конца нравственный и писательский долг перед своим поколением и перед теми, кто будет после нас. Трагична судьба старших писателей, которым так и не удалось сказать о своем времени всего, что они могли и должны были сказать. Я говорю не только о погибших в 30-е годы и в войну, но и о вышедших живыми из тех разломанных лет. После «Встреч на Сретенке», повествуящих о первых послевоенных месяцах, я почувствовал необходимость двинуться дальше за своим поколением, написать о том, как порой трудно и мучительно оно привыкало к мирной жизни.

...Главный герой романа — Лешка Коншин, ушедший на фронт мальчишкой и быстро повзрослевший за годы войны. Ему кажется, что мирная жизнь будет столь же бескомпромиссна, как и годы, проведенные на фронте, и уже первые столкновения с реальностью отзываются болью в его молодой душе. С неприязнью смотрит он на громадные хвосты в сберкассах — страна накануне денежной реформы. Вдруг оказывается — у одних ничего, у других, сумевших нажить — во время войны, — огромные умы денег. Человек, устроивший Коншина на работу, непрозрачно намекает, что за это надо дать взятку...

— Но ведь была же и радость долгожданной победы, и ощущение, что все тяжелое уже позади, и, наверное, возникало чувство: теперь обязательно сбудутся все надежды!

— Были, конечно, и радость победы, и пафос восстановления. Хотя люди и устали за войну, но работали с душой, верили, что жизнь вскоре будет лучше довоенной. «Раз такую войну выдружили», — говорит один из героев романа, — так и хозяйство восстановим». 1948 год материально был значительно лучше предыдущих — провели денежную реформу, отменили карточки, в магазинах всего полным-полно было, взгляд радовался, висели плакаты: «Кетовая икра — полезна и вкусна. Продается повсюду». И верно — всюду. Правда, с деньгами у народа было туговато, но главное, голод кончился. По улицам разъезжали личные «Москвичи» — о таком даже и не мечтали. Все с интересом читали о проекте первого советского небоскреба на Дорогомиловской набережной... К тому времени каждый как-то устроился: кто на работу, кто начал учиться в институте. И растерянность перед мирной жизнью, казавшейся в первые послевоенные годы какой-то неестественной, чересчур сложной, прошла, но возникли уже проблемы нравственного характера.

После войны все ждали каких-то перемен. Надеялись, что Сталин,

убедившись в верности и преданности народа-победителя, прекратит репрессии, но этого не произошло. Удары обрушились уже на наше поколение. Репрессии 1937 года мы еще пытались объяснить тем, что поколение, родившееся до революции, могло что-то недопонимать, в чем-то быть несогласным с властью. Но мы-то появились на свет при Советской власти, мы воевали за нее и спасли ее! В сознании не укладывалось...

— Как и сейчас, у меня не укладывается в сознании эпизод в «Красных воротах», когда герой романа узнает, что арестовали его сверстника — Костю Саничева, инвалида войны, одногого!

— Я мог бы привести судьбу и пострашнее. К примеру, моего знакомого Чонгара Блументаля, потерявшего в 1937-м родителей, а в 1941-м шестнадцатилетним добровольно вступившего в Красную Армию. Он провоевал от «звонка до звонка», даже больше — последнее ранение и орден Красного Знамени он получил в 1947-м в боях с бандеровцами. В 48-м вернулся с наградами: два ордена Славы, «Отечественная», две «Звездочки», две медали «За отвагу», и пошел узнавать о родителях. Ему сказали прийти через десять дней, он пришел и... остался там на десять лет, как американский шпион. Тогда это называлось — «за встречу на Эльбе». Но это судьба — исключительная, я же в романе брал судьбы более типичные и обыкновенные, хотя сегодня и они воспринимаются как трагедии, а в то время...

Горько и обидно было, когда в 1946-м фронтовики, да и вообще народ, Сталин назвал «винтиками». А ведь мы ощущали себя на войне личностями, в руках которых — судьба России. Так было выражено отношение к людям как к исполнителям, как к частице какого-то механизма. Тогда же началась травля Зощенко и Ахматовой, потом всевозможные кампании борьбы с космополитизмом, с низкопоклонством перед Западом, с кейсманизмом-морганизмом, появились дутые имена в науке, в искусстве... Все это объяснению не поддавалось, нас обступали тягостные проблемы, без решения которых трудно было строить свою жизнь дальше, но до прозрения было еще далеко. И тот, кто не мог, закрыв на все глаза, вступить на путь бездумного конформизма, мучительно пробиравшись через противоречия жизни до середины пятидесятых годов, до XX съезда партии. Кому-то из нас удалось сохранить себя как личность, кому-то, наверное, нет. Не забуду, как в одной из пивных бывший фронтовик, Герой Советского Союза, закладывал свою «Звездочку». Страшно было на это смотреть...

— В романе вы затрагиваете трагедию советских солдат, попавших в немецкий плен. Невероятные муки вынесли они. Но те, кто выжил, вернулся домой, к родным и близ-

ким, их раны душевные постепенно заживались...

— Из многих действующих лиц романа двоим досталась участь немецкого плена: художнику Марку и разведчице Калининского фронта Асе. Правда, моим героям довелось испытать только немецкие лагеря... Отношение к бывшим в плену в первые послевоенные годы было несправедливым, ко всем, кто там побывал, относились с большим подозрением.

Недавно я получил письмо от офицера флота в отставке. Шесть раз бежал он из плена и всю жизнь молчал о своем, по сути дела, подвиге. Я был вторым, кто узнал об этом, первым — сын. Сколько же лет лежало это тяжелым камнем на душе ни в чем неповинного человека, до последнего снаряда оставшегося у своей флотской пушки, когда стоящая впереди пехота уже отходила, а моряки продолжали отстреливаться. Последний снаряд, взорвана пушка, а уйти уже некуда. И вот плен...

Мы, воевавшие и познавшие войну на своей шкуре, знали и то, что в первые месяцы войны были окружены целые армии. Но Сталин, отрекшись от своих солдат, заявил на весь мир, что у нас нет военнопленных, а есть только предатели.

— В плену, как известно, оказалось 5 миллионов 700 тысяч человек, из них фашисты уничтожили около 4 миллионов. Несмотря на это, многие, глядя со стороны, отождествляли плен и предательство. А теперь! Дают ли еще знать о себе подобные взгляды!

— А вы спросите об этом у тех, кто наклеивает портреты Сталина на ветровые стекла машин... В общем-то, не думаю, чтобы сегодня в народе отождествляли плен с изменой. А тогда...

В «Красных воротах» бывший комбат Петр Бушуев говорит: «Которые в плену были, для меня не люди. Отсиделись в лагерях, когда народ кровьюшкой исходил». И таких людей я знал. Вот что страшно... Я всегда вздрагиваю, когда вижу и сегодня в анкетах пункт: «Были ли в плену»? Мне многие пишут, что пора его наконец изъять. Я с ними абсолютно согласен.

— Ваши книги — это рассказ о военном и послевоенном времени. Очевидно, вы считаете своим долгом восполнить пробелы истории! А как проблемы сегодняшнего дня, или это дело журналистики!

— Я считаю, что у каждого писателя должна быть своя тема, тот пласт жизни, который ему знаком лучше всего, то, что он пережил и выстрадал. Для меня такой темой стало прежде всего мое поколение.

Но независимо от выбранной темы важна прежде всего нравственная позиция писателя.

— Которая сегодня сплошь и рядом претерпевает изменения!..

— Нравственная позиция — ежели она есть, то есть, другое дело в невозможности ее высказать и отстоять. Наши писатели, да и вообще

наша интеллигенция многое претерпели в минувшие годы и в какой-то степени утратили присущие ей прежде революционные и духовные качества, с которыми вошли в историю общественных отношений прошлого и начала нынешнего века. А что такое молчаливая интеллигенция? Помните, у поэта: «Сколько раз мы молчали по-разному, но не «против», конечно, а «за»...

Но молчали все же не все. И прежде раздавались честные голоса. Сейчас идет, как мне кажется, возрождение в интеллигенции присущих ей в прошлом качеств. Она должна «болеть» за все больше других, возвышать свой голос против того дурного и несправедливого, что есть в обществе, и смело выражать свое мнение, не опасаясь, что оно порой отличается от официального. Но для этого ей нужно глубже осознать свое значение и выйти из состояния гражданского апатии. А возможностей проявить свою позицию сегодня, по-моему, более чем достаточно.

Сегодня в идеале не должно остаться ни одной стороны нашей жизни, которая не была бы под контролем общественности. Недавно в «Литературной газете» была опубликована прекрасная статья Д. Гранина о милосердии, потом в той же газете появилось письмо из исправительного лагеря, из которого мы узнали, что не всегда места заключения становятся местами исправления, что условия там таковы, что очень часто освобожденные, по истечении срока выйдя на свободу, снова совершают преступления. Вспомним Пушкина, который «милость к падшим призывал», «Записки из Мертвого дома» Достоевского, поездку Чехова на Сахалин, статью Короленко — все это выполнение пушкинского завета. И мне кажется, что нашей общественности — и особенно писательской — необходимо проявить традиционные для русских литераторов внимание к положению дел в исправительных учреждениях, то есть проявить «милость к падшим».

Есть и еще один момент, о котором мне бы хотелось сказать. Некоторые выходящие у нас талантливые произведения молодому читателю практически неизвестны, так как авторы эмигрировали, а их книги больше не переиздаются. Приведу один пример. Как-то на читательской конференции в Московском университете студент спросил меня: неужели такое правдивое, такое русское произведение, как «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, мы отдадим безвозвратно Западу? Я ответил тогда, что без этого произведения наша военная проза неполна. Думаю так и сейчас. И надеюсь, что, как бы ни сложилась судьба автора, повесть «В окопах Сталинграда» будет переиздана.

Верю, что очень скоро в нашей стране, в нашем обществе будут разрешены наиболее сложные вопросы — все и даже самые сложные.